

Конструирование региональной политической идентичности: на примере Республики Татарстан

О.А. Самаркин
Казанский государственный университет

Генезис региональной политической идентичности в современной России невозможен без анализа проблем федерализации. Процесс смены жестких структур унитарного государства на мягкие структуры демократического государства с федеративным устройством еще не завершен. В этой связи представляется, что попытки ряда исследователей и популизаторов «отстоять» самобытность той или иной региональной политической идентичности взаимосвязаны с потугами представителей местных политических элит, объявивших об институционализации идентичности в своих регионах. Выдавать желаемое за действительное одна из черт ментальности нынешней региональной политической элиты. Как же идет формирование политической идентичности? Каковы механизмы этого процесса и действия различных агентов? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена данная статья.

Одним из первых отечественных интерпретаторов термина «политическая идентификация» считается Ю. Л. Качанов. Согласно его трактовке «политическая идентичность субъекта установлена, когда другие субъекты политических отношений кодифицируют его как... определенного агента путем приписывания ему тех же значений идентичности, которые он признает для себя или объявляет сам»¹. Другими словами, политическая идентификация совмещает в себе два процесса: первый есть процесс саморефлексии с други-

¹ Качанов ЮЛ. Опыты о поле политики. – М., 1994, С. 113.

ми агентами политической деятельности, и второй – определение с политических позиций других агентов политической позиции данного агента.

Политическая идентичность, также как и социальная, имеет групповую природу. То есть она проявляется в ощущении принадлежности к какой-либо группе (например, политической партии, группе давления, клану и т. д.) или как признание этого со стороны других субъектов политического процесса (например, борьба партии за возможность сформировать правительство и проводить определенный политический курс).

Исследователи выделяют различные типы политической идентичности². Некоторые исследователи характеризуют типы политической идентичности в зависимости от длительности этого состояния. Так, например, выделяют ситуационную и надситуационную (трансверсальную). Ситуационная идентичность непосредственно привязана к конкретной политической ситуации, она недолговременна и легко изменчива. Надситуационная – характеризуется уже устойчивостью и зависит от политических установок конкретного индивида.

Другие исследователи выделяют политическую идентичность по субъекту и объекту идентичности. Так по субъекту идентичности выделяют индивидуальную и групповую идентичность, а по объекту – идентичность по основанию принадлежности к политической партии или религиозной группе, по типу поселений, по гражданству политических акторов и т. п.

При всей многоплановости категории «политической идентичности», по нашему мнению, она наиболее тесно связано с менталитетом определенной социальной общности и с уровнем политической социализации граждан. По «менталитетом» мы понимаем пласт сознания, где коренятся исторически обусловленные традиции, привычки, образцы поведения, способы интеллектуального освоения мира, т. е. «духовный инструментарий народа». Частью его является политический менталитет народа.

² Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. – М., 2001. – С.145-146

Для большинства исследователей есть трудности с нахождением адекватного инструментария в оценке политической идентичности. В целом, арсенал исследователей состоит из нескольких подходов:

- ценностного;
- рационалистского;
- партийной принадлежности.

Идентификация по партийной принадлежности искажает истинную картину политической идентичности рядовых граждан. Несмотря на то, что ряд политических партий участвовали в трех общенациональных избирательных кампаниях, процесс институционализации для них еще незавершен в силу постоянно меняющихся «правил игры». Рядовой избиратель смутно представляет партийную палитру, он дезориентирован.

Не расставляет позиционные метки и рационалистский подход. Долгое отсутствие политической конкурентности, недостаточный уровень гласности и открытости, сервильность СМИ, ориентация на личностные характеристики того или иного лидера не побуждают избирателя просчитать те выгоды и посулы, которые материализуются с электоральной победой конкретного кандидата.

Ценностный подход «привязан» к ментальности граждан.

Политическая идентичность раскрывается через менталитет населения, который свою очередь определяется через особенности того или иного региона. Каждый субъект федерации имеет ряд объективных особенностей: исторические, геополитические, экономические, конфессиональные, психологические и т. п.

Что касается Республики Татарстан, то она занимает срединное положение в Евразии и обрекает его жителей на «евразийство/азиопство».

Татарстан никогда не был независимым, и не имеет ни по соседству некоего образца в лице процветающего независимого государства, населенного этнически родственными народом, с высокоразвитой современной экономикой и стабильным демократическим режимом. В отличие от Прибалтики, у

которой под боком Скандинавия, пример Турции вдохновляет в РТ лишь первых номенклатурных лиц «суверенного» государства. Причем пример с Турцией, как образца демократии, не совсем удачен. Турция жестко подавляет этнические меньшинства (например, стремления курдов создать независимое государство Курдистан) и политическую оппозицию, она сохраняет до сих пор ряд феодальных пережитков (в отношении к женщинам, религии, земле и другое) и на ее территории вольготно чувствуют террористы из организации «Серые волки».

В Татарстане проживают 25% всего татарского этноса. Следовательно, татары в Татарстане составляют не этнос, а субэтнос или этнотерриториальную группу, охватывающее меньшинство татар. Остальные 75% уютно чувствуют себя вне территории Татарстана и не разделяют ирредентистские устремления некоторых представителей казанских татар, мечтающих возродить мифический Идель-Уральский штат.

Татарстан это республика состоящая из двух равных общин (татар и нетатар). Среди дуального этнического состава населения РТ не было конфликтов на бытовом и производственном уровне. Об этом говорит глубокая диффузия этнических групп: как очень высокая доля межэтнических браков (до 1/3–1/2 по отдельным, и особенно старым городам), так и нормальное функционирование смешанных коллективов даже в условиях задержек зарплат и роста безработицы. А, например, в Эстонии эстонцы и русскоязычные жили, почти не пересекаясь — господствовала профессиональная сегрегация, в РТ — такого не было.

Территориально земли татарского субэтноса вошли в состав Российского государства еще XVI веке. До этого, также как и после этого, русские и болгары (впоследствии казанские татары) жили большую часть времени в мире добрососедски, неоднократно объединяли усилия против общих противников. Войны же между ними, ведомые с переменным успехом и по средневековым обычаям жестоко, носили не межэтнический, а межгосударствен-

ный и религиозный характер, решали, чьи феодалы будут править. Поэтому в них с каждой стороны участвовали тысячи татар и тысячи русских.

Показательно, что часто национальность не влияет даже на то, чью именно этническую культуру развивает тот или иной творец. Так, песню «Во поле береза стояла» написал казанский татарин Н. Ибрагимов, а одним из известнейших татарских песенных композиторов XX столетия является русский А. С. Ключарев.

Как ни парадоксально, сущностная общность основных религий, исповедуемых населением РТ совпадает (проповедуются одни те же ценности: коллективизм, консерватизм, этатизм, аскетизм). Хотя это не слишком удивляет, так как еще Афанасий Никитин в своей книге «Хождение за три моря» подчеркивал близость лишь двух конфессий из множества им узнанных: православия и ислама. В частности, общность религий подтверждается такими моментами как:

а) в универсализации Бога/Аллаха в сознании православных и мусульман, т. е. в стихийно сложившемся, но устойчивом представлении о единстве всех религий и существовании единого Бога, лишь называемого на разных языках по-разному;

б) в полном отсутствии религиозного фанатизма и в слаборазвитости конфессиональной нетерпимости, несмотря на политику христианизации в феодальный период;

в) в диффузии обрядовости, взаимопроникновении ритуалов, когда мусульмане красят яйца на пасху, православные участвуют в исламских праздниках, а неверующие ходят в церковь.

Культивируется правящей элитой Татарстана общинная психология, которая проявляется в следующих моментах:

а) уважение к старшим по возрасту, проявляющееся в целом ряде обычаев, а у татар — и на вербальном, коммуникативном уровне (в обязательном указании на более старший возраст собеседника);

б) сохранение, даже в условиях нуклеаризации семей, таких реликтов расширенной семьи, как тесные связи между родственниками, выражающиеся в более интенсивном, чем среди потомственных горожан, общении и пие-тете (и, опять-таки, в наличии в татарской лексике многих десятков терминов, указывающих на степени родства и свойства, иногда весьма дальние, т. е. сеть, система родственных связей, в которую включен индивид, гораздо сложнее и шире, чем у «классических» горожан);

в) кроме того, у сельчан и экс-сельчан сохраняется более патриархальное, моногамное и антисексуальное отношение к браку: как к распределению власти, прав и обязанностей в семье, так и к «матримониальной мобильности», т. е. у них чаще встречаются большие семьи.

г) развитость таких элементов общинной психологии, как земляческие чувства, особое выделение земляков, выходцев из одного района, села, элементы их корпоративной сплоченности в городах и вне РТ.

Любопытна на этом фоне характеристика состава правящей элиты Татарстана, которую дал казанский политолог Мидхат Фарукшин: «По этническому составу 78,1% местной правящей элиты составляют татары». И продолжает: «92% этой элиты — представители бывшей номенклатуры, причем 67,7% ее — бывшие партийно-советские работники. Если в Москве к власти пришли второй и третий эшелоны номенклатуры, то в Татарстане еще безраздельно господствует первый эшелон... Только 13,7% представителей группы вышли из крупных городов. Специфическая деревенская культура, привнесенная значительной частью правящей элиты во властеотношения, включает в себя традиционные нормы чиновничества, внутреннего неприятия оппозиции и инакомыслия, благоволения выходцам из собственной среды, еще больше — землякам, подозрительности к «чужакам», особенно из городских и образованных слоев, представление о собственной непогрешимости, самолюбование и т. д. По сути своей эта культура имеет антидемократическую окраску... 43,6% членов элиты закончили сельскохозяйственные и

ветеринарные вузы. Только 12,8% ее представителей получили университетские дипломы»³.

Кроме того, для политической элиты РТ свойственны и обычные черты любой бюрократии, включая nepотизм и подверженность коррупции (в Татарстане, в отличие от остальных республик региона, но зато, также как и в Чечне, не было ни одного громкого процесса по взяткам среди государственного руководства), корпоративность и клановость, «бумажный» стиль работы, трусость, безответственность и сваливание любой ответственности на Москву, бесконтрольность и жесткий отказ от введения даже элементов надзора общественности за властью.

Ретроспективный анализ первых 3 лет правления руководства Татарстана показывает, что, используя подлинно крестьянскую хитрость, правящие круги РТ начали «игру на противоречиях» в руководстве страны — сначала между союзной и российской элитой до ликвидации первой в конце 1991 года, затем между исполнительной и законодательной ветвями власти РФ до расстрела второй в октябре 1993 года. При этом единственная проблема заключалась в том, что власти РТ в обоих случаях делали ставку на проигравших.

Эту ошибку они исправили в том же октябре, что высветило нестойкость ее ориентации на суверенитет. Действительно, нельзя пенять на упрямство татарской правящей элиты, сменившей требования союзного статуса на лозунги невхождения в состав Российской Федерации и «РТ как субъекта международного права», а после разгрома Верховного Совета РФ поддержавшей это беззаконие и заключившей договор с руководством РФ. Однозначная поддержка Б. Н. Ельцина в 1993–94 и 1996 гг. властями РТ привела ее к отказу от идей «невхождения» в РФ и к четкому разграничению полномочий: мы Вам «конструируем» нужные итоги любых выборов, а Вы нам полный «суве-

³ Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. - 1994 - №6. – С.69-70.

ренитет», возможность творить в РТ все, что угодно, — типичная политика наместников.

Следует более подробно остановиться на том, в какой редакции была принята новая Конституция РТ образца 1992 года, поскольку в 2002 году данное определение подверглось редактированию и сейчас несет совершенно новую смысловую нагрузку.

6 ноября 1992 года была принята Конституция Республики Татарстан, в которой так определен статус республики: «Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией — Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения»⁴.

На пресс-конференции тогдашнего спикера Верховного Совета РТ Фариды Мухаметшина 12 ноября 1992 года был роздан пресс-релиз, в котором дано официальное толкование слова «ассоциация» как «объединения государств, союза, заключаемого для достижения общих политических, экономических, социальных целей, оформляемого соответствующим межгосударственным договором». При этом за РТ закрепляются полномочия «конституционно» и «в полном объеме», и «республика сама определяет, какие кому передать полномочия»⁵.

Следует уточнить, что скрывается за термином «ассоциированный статус». Ассоциированный статус, или статус «свободно присоединившегося», «объединенного государства», имеется у ряда расположенных в основном в Карибском море колоний США и Великобритании. Крупнейшей из них является Пуэрто-Рико, на отношения которого с метрополией, США, как на образец, постоянно ссылался советник Президента РТ Рафаэль Хакимов. Итак, высшая законодательная власть в Пуэрто-Рико принадлежит не его «законодательному собранию», чьи полномочия касаются крайне узкого круга местных вопросов, а Конгрессу США, имеющего неограниченное право отмены

⁴ См.: Конституцию РТ. – Казань, 1994.

⁵ См.: Казанские ведомости. 1992. 13 ноября

любых местных «законов», исполнительная — назначаемому США губернатору, возглавляющему консультативный совет. И хотя статус получен в 1952 году, лишь с 1970 года представитель этой колонии избирается в Конгресс США, и то без права голоса. Решения о проведении референдума о статусе Пуэрто-Рико также принимаются в Вашингтоне. На маленьком острове расположены 13 баз ВВС и ВМС США, в том числе и со складами ядерного оружия. И, несмотря на требования ООН передать всю полноту власти народу Пуэрто-Рико, США не предоставляют острову ни независимости, ни даже прав, имевшихся у Республики Татарстан. У других «ассоциированных» колоний прав и того меньше. Неужели нам нужно такое урезание прав?

Мало того, что устами Р. Хакимова Татарстан требовал себе бесправный колониальный статус, так находились деятели, которые и далее жаждали урезания прав. Например, депутат Верховного Совета РФ от РТ Махиянов требовал отозвать депутатов из федерального парламента⁶. А ведь если субъект вовсе не представлен в федеральном парламенте, то это считается еще большей его дискриминацией и переводит его из разряда ассоциированных членов, имеющих в парламенте метрополии представителей с совещательным голосом, в разряд просто колоний или протекторатов.

Особого внимания заслуживает такой аспект культуры, как язык. Государство вмешивается в проблемы языка своей языковой политикой, при чем способы разрешения «языковых проблем» зависят от идеологических концепций тех, кто стоит у власти.

Первый способ состоит в равноправии всех языков и свободе выбора языка гражданами иных этнических групп; второй способ дает привилегии определенному языку и его носителям с дискриминацией незнающих этот государственный язык; третий способ дает привилегии билингвам (двуязычным) с дискриминацией монолингв (знающих лишь один язык).

Различают официальный и государственный языки. Официальный язык — язык, на котором ведутся делопроизводство, официальная переписка и

⁶ Известия Татарстана. - 1993. - 28 сентября

произносятся публичные речи государственных деятелей⁷. Например, официальным языком в дореволюционной России был русский язык. Он отличается от государственного менее строгим статусом.

Государственный язык – это язык, которому в государстве законодательно придан статус обязательного для употребления, и потому пользующийся специальной поддержкой государства. Государственный язык выполняет функции официального языка и, кроме этого, исключительно на нем функционируют государственные органы и общественные организации, учреждения культуры и образования.

Придание государственного статуса языку «титulyного» этноса ведет к вытеснению языков этнических меньшинств, дискриминации последних. В любом полиэтническом обществе (и в Татарстане частности) введение одного государственного языка ведет к дискриминации иноязычных.

В начале 1990-х гг. в Республике Татарстан на обсуждение парламентариям было вынесено два законопроекта о языках: официальный (который прошел) и альтернативный (который был отвергнут). Кроме общих центральных идей у этих законопроектов было и существенное различие.

Во-первых, общее сводилось к следующим моментам:

- а) равноправие двух государственных языков в РТ;
- б) постепенное введение обучения им обоим с детства.

Во-вторых различие между проектами состояло в том, что официальный был основан на «субъектном» подходе, а альтернативный — на «объектном». Поэтому цель проектов разная: у альтернативного — чтобы человека везде обслужили на его языке, у официального — вытеснить незнающих один из двух языков.

Важен принцип: чего же мы хотим? Или чтобы человека обслужили в больнице, магазине, Совете местных депутатов на его языке — тогда надо создавать условия, чтобы ответ на языке клиента могло дать хотя бы одно лицо в данном заведении. Это объектный подход (когда отвечает заведение),

⁷ Этнологический словарь. – М., 1988. - С.190

он и проведен в альтернативном проекте. Или же хотим изгнать «неверных» (т. е. большинство горожан, в том числе татар) с работы, связанной с общением и управлением. Такого могут требовать лишь маргиналы, порвавшие с вековой сельской культурой, но так и не доросшие до городской, а потому превращающие свое единственное преимущество перед горожанами (в том числе и перед своими соплеменниками) в оружие добычи постов, кои они способны обратить в теплые доходные местечки. Именно второй путь «расширения» сферы действия языка — субъектный (когда все субъекты, чья работа — общение и управление, обязаны знать два языка или уволиться) избран в официальном проекте. В нем прямо указано на необходимость квалификационных требований и перечня должностей в государственных органах, на предприятиях, учреждениях, организациях, требующих знания двух языков (ст.14, п.6). И в коммерческой деятельности — те же требования (ст.21, п.3). Встает вопрос: кому захочется возиться с переводом, когда дешевле найти менее привередливого партнера? Лишая большинство их естественных прав, трудно добиться уважения к языку и людям, дискриминирующим других, зато легко разжечь рознь и поднять рейтинг русского фашизма.

В результате принятия официального проекта в качестве Закона граждане РТ получили узаконение неравноправия, лингвократию, ибо у нынешних русскоязычных горожан до сих пор не было ни необходимости, ни возможностей для овладения татарским языком. Эта дискриминация резко усилена в Программе по языкам и, особенно, в Списке профессий, согласно которому надо пройти аттестацию на знание двух языков и в который включены «профессии» от ректоров вузов и директоров предприятий до сантехников и стекольщиков. Небилингвам достались профессии чернорабочих. Однако, в цивилизованном мире обычно идут иным путем.

Сегодня российская государственность переживает этап реформирования. В этот период особое значение приобретает принцип цивилизованного взаимодействия между центром и регионами, между субъектами федерации,

многие из которых продолжают движение по пути суверенизации, а иные к тому же закрепили свой особый государственный статус. В данной ситуации очень важно определить ту грань, за которой идеи суверенитета, равноправия, «особого положения» ставят под вопрос сохранение самой федерации.

Для формирования нового федерализма необходимо учитывать имеющееся социально-политическое и историческое наследие. Дело в том, что СССР никогда не был реальной федерацией. Его устройство всегда являлось унитарным, зацентрализованным.

Какой может быть альтернатива этой псевдофедерации? Единого ответа нет. Скорее здесь возможен был бы следующий сценарий, состоящий из двух последовательных этапов.

Первый этап — он мог бы занять около 20 лет (возраст одного поколения) — стал бы переходным периодом от нынешнего устройства России к стабильному, нормативному. В этот период целесообразно бы принять переходную Конституцию РФ или принципиальные поправки к действующей, чтобы ввести в нее ряд исходных принципов.

Какие принципы имеются в виду?

— законодательное закрепление асимметричной структуры федерации с одинаковым набором исключительных полномочий субъектов. Асимметрия при этом проявляется в наличии как республик, так и областей, краев и т. п.;

— четкое определение сфер полномочий центра и признание их всеми субъектами федерации;

— признание и выполнение Конституции и законов РФ;

— повышение общей гражданской культуры с целью утверждения в сознании рядовых граждан России общепринятых в мире неэтнических трактовок нации и ее права на самоопределение.

На втором этапе должен завершиться переход к современной мягкой федерации путем решения следующих задач:

— окончательного утверждения административно-территориального принципа ее устройства и отказа от этноцентризма, порождающего конфликты;

— четкого разграничения трех групп полномочий по вертикали: исключительного ведения центра, субъектов и общих (смешанных) полномочий с работающим коллизионным механизмом, примером которому могут служить США;

— отказа от права сецессии.

Лишь пройдя эти этапы, Российская Федерация смогла стать оптимальным децентрализованным самоуправляющимся государством с равноправным статусом субъектов.